

ГУБЕРНСКИЙ ДОМЪ

историко-
краеведческий
и литературный
журнал

4 (109)
2017

Доброе слово

Костромской губернатор С.К. Ситников	
Председатель Костромской областной Думы А.А. Анохин	2

Время и место

Иосиф Шевелёв. Битва за Кремлёвский холм...	3
Нина Басова. 25 лет, 109 номеров...	11
Авторский алфавит	13
Николай Сотников. Галич и Космос	20
Ольга Горохова, Павел Резепин. Крымская экспедиция	25
Имеем сообщить	32

Архивы и свидетельства

Ольга Смурова. Превратности судьбы Ивана Поляшова	33
Евгений Степаненко. Из дневников разных лет	40
Лариса Сизинцева. Ода ссылке	46
История в лицах	48
Ирина Попова. Герои наших статей	56

Культура и Просвещение

Алексей Зябликов. О кино и не только	91
Павел Корнилов. У Пожарной каланчи...	93
Александр Лобанов. Как князь Вяземский спас «Муму»	95
Татьяна Гончарова. Сюжеты Ольги Швейцер	97
Павел Румянцев. Первый спутник	105
Александр Смоляков. Стихи	112
Книжный ряд. Новый роман о Невельском	114
Эдуард Клейн. Каждый вечер пили чай из самовара	115

Иосиф ШЕВЕЛЕВ,
Заслуженный архитектор РФ,
Почетный академик РААСН,
Почетный гражданин г.Костромы

БИТВА ЗА КРЕМЛЕВСКИЙ ХОЛМ, НЕ ПОПАВШАЯ В ИСТОРИЮ КОСТРОМЫ

В НАЧАЛЕ

Я хочу рассказать правду о Кремлевском холме. Об истории воссоздания здесь соборов и колокольни. Приходится начать издалека. В 1971 году костромской обком КПСС возглавил Баландин Юрий Николаевич, выходец из аппарата ЦК, вскоре ставший членом ЦК. Восходящая звезда потому и звезда, что блещет внезапными инициативами. На двухэтажной в недалеком прошлом главной улице города, Советской, по его воле возникла коробка кондитерской фабрики: панель и стекло, и ее гигантская, от самой земли труба с дымком. И вот его осенила мысль, что главному зданию Костромы, обкому КПСС, расположенному в бывшем епархиальном женском училище («Красный дом» на Муравьевке постройки 1904-06 гг.) недостает величия. И Костромагражданпроект в середине 70-х получает задание спроектировать новое здание обкома, не где-нибудь, а на месте соборов Успенского и Богоявленского, взорванных в 30-е годы – на самой высокой точке центра старого города, на Кремлевском холме. Это логично: свято место пусто не бывает. Контора Облпроект в начале 50-х уже предлагала именно здесь, на месте соборов Успенского и Богоявленского, поставить Дом Советов и, заодно, снести историческую застройку центра города. Это было в

середине 50-х. Мысль Ю. Н. Баландина оказалась не оригинальна.

Обстоятельства, позволившие в 70-е годы сохранить Кремлевский холм не застроенным, наперекор железной воле властей, мне известны детально. Я в Костроме с 1953 года. 17 лет, с момента окончания Киевского инженерно-строительного института, я занимался реставрацией памятников архитектуры Костромы и области и созданием Костромского музея народного деревянного зодчества. А в августе 1970 г. перешел на работу в Костромагражданпроект. Директор института Петр Петрович Щербинин – мы одно поколение – знал мои работы и доверял проекты в историческом центре, в охранной зоне. Работы парадоксальные мне доставались нередко. Вслушайтесь. Здание Управления внутренних дел построено и смотрит сегодня сверху вниз на весь наш город. Его крыло на главной улице – следственный изолятор, *проще сказать, это – тюрьма на улице Советская!* Или: *ликероводочный завод* и при нем *часовня Святого Бонифация*. Это угол улиц *Ленина* и *Князева*. Владелец *водочного завода* и *строитель часовни* – *отставной секретарь обкома КПСС*. Фантастические словосочетания!

Проект башни Щербинин поручает мне, главному архитектору проектов, и руководите-

лю группы Леониду Константиновичу Постникову. Леня родом из Сургута. Приехал, защитив диплом архитектора в Ленинградской академии художеств. Мы уже работаем вместе. Проектируем и строим крытые павильоны внутри Мучных рядов. Это Центральный рынок, центр города. Новая задача: установить вертикаль административного здания на месте соборов и колокольни на Кремлевском холме, как бы хороша башня ни оказалось – деяние глубоко порочное. Исполнителям, мне и Постникову, это было ясно.

«Сердцем Костромы был ее Кремль..... Обращенная к Волге, видимая за десятки верст, соборная группа определяла внешнюю панораму города. Ее величавая колокольня служила своеобразным маяком проплывающим судам. Кремль был славой Костромы, гордостью ее жителей», – писал архитектор Леонид Васильев. Поставить точку в его уничтожении был акт темный. Подобный взрыву, уничтожившему исторический образ города Костромы в 1934 году. Очередной и последний шаг.

Стройная колокольня Богоявленского собора, завершенная необычно, придавала архитектурное единство ансамблю, его храмам

и площади. Ее пластика человечна. Она масштабна торговым рядам, с их своеобразными пилонами, арками и колоннами.

И теми, что на главной площади, и теми, что внутри рядов. И рядам, что вдоль Молочной горы плавно спадают к Волге. Мы почувствовали, что высотное административное здание сотрет самобытность исторической Костромы. Его форма и сугубо современная функция, службы и транспортные развязки не смогут органично войти в существующее окружение. Единственно возможным считали мы не трогать холм, не прикасаться к фундаментам соборов, в надежде на будущее их восстановление.

И здесь обнаружилось еще одно важное обстоятельство. В конце 70-х я работал с группой петербургских архитекторов над проектом реставрации кровель Меншикова дворца. Это набережная Невы. Консультантом-искусствоведом был замечательный знаток архитектуры *Юрий Михайлович Денисов*. Показывая мне свою прекрасную библиотеку, он неожиданно сказал мне: «Взорванная колокольня костромского Кремля почти буквально повторила надвратную колокольню Смольного монастыря

Общий вид костромского Кремля. Нач. XX века.

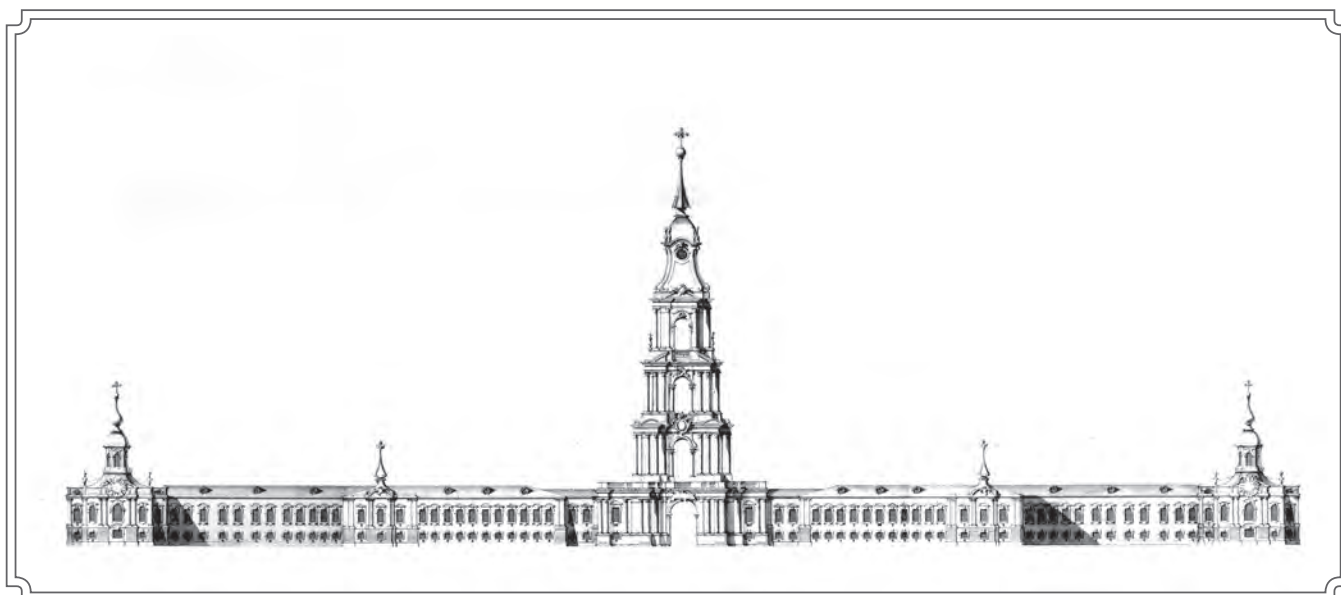
в Санкт-Петербурге. Проект, созданный Растрелли в 1748 году и отклоненный императрицей Екатериной II. Чертеж этот хранится в библиотеке музея Альбертина в Вене». Эти слова Юрия Денисова (не Ю. Данилова, как ошибочно значится в костромских монографиях) произвели на меня впечатление сильнейшее. Вскоре Денисов подарил мне эту драгоценную фотографию. Копию ее я тотчас передал Леониду Сергеевичу Васильеву, в ту пору увлеченно работавшему над проектом восстановления Богоявленского собора.

Сложилась уникальная ситуация. Стало ясно, что мастер-строитель и крупный подрядчик из посада Большие Соли под Костромой Степан Воротилов, несомненно бывая в столице, видел и держал в руках чертежи Растрелли и осуществил в 1790 г. в камне образ, поразивший его красотой и ставший со временем впечатляющим символом Костромы. Воротилов воспроизвел общий силуэт, структуру и порядок ярусов, форму карнизов и оригинальное барочное завершение колокольни Растрелли – насколько это возможно и нужно было в иной ситуации, в масштабе провинциального города. 145 лет стояла над Волгой эта колокольня: образ, задуманный Растрелли и воплощенный иным талантливый мастером. Использовать идею другого мастера так, как это сделал Воротилов, – чтобы «обокраденный» ничего бы не терял, а напротив, умножил славу свою – святое дело. Угадать и перенести образ, спо-

собный объединить и осветить все вокруг, – нужен великий художественный дар. Нужно прикипеть сердцем к тому, что заимствуешь. Это – сопереживание, радость, любовь, вдохновенный труд, – это искусство. Это творчество. *Так складываются стили и традиции.* Так создаются история и культура.

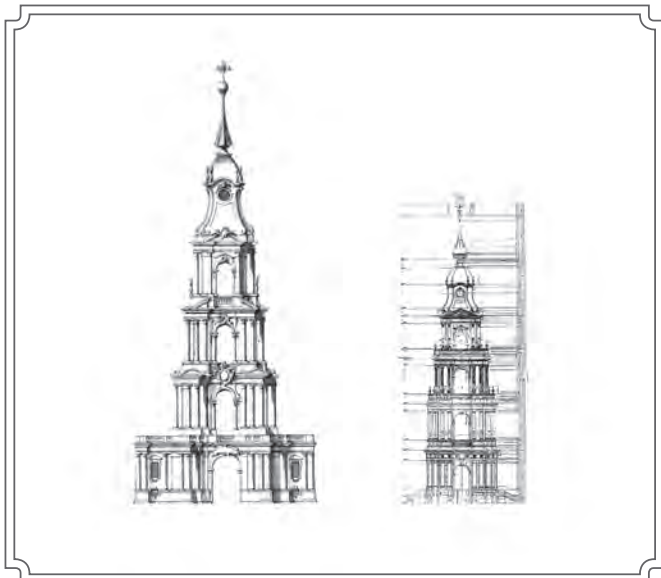
Итак, 1930-е годы стерли с лица земли – казалось бы навсегда – соборную группу зданий Кремлевского холма. Воссоздать этот уничтоженный памятник архитектуры почти пол века спустя взялся по личной инициативе архитектор Л.С. Васильев. В столичном архиве сохранились чертежи: копия первого авторского варианта Богоявленского собора начала XIX века; проект его реконструкции, выполненный в середине XIX века. И обмер, выполненный накануне взрыва собора московскими художниками Чудаковым и Чижовым. Он – **единственное** свидетельство о *размерах и пропорциях колокольни **реально существовавшей.*** Если не считать множества фотографий. Но обмер этот выполнялся в условиях неприемлемых. С лестниц-стремянков, которыми пользовались подрывники, уже сверлящие отверстия для закладки динамита. Выполнялся наспех, говорят, за три дня. И он местами явно противоречив, не точен.

«Критерием истины были натурные фотографии, снятые с разных уровней, с разных точек удаления...Корректирующим началом была та система мер, что применялась стро-

Фасад Главного входа в Смольный монастырь. Вариант 1. Растрелли.
Библиотека музея Альбертина в Вене.

**Фасады надвратной колокольни: в С-Пб.,
Растрелли (слева);
в Костроме, Воротилов (справа) – в одном
масштабе.**

ителями старых времен, – писал Л. Васильев, – проект условно назван эскизным. По степени разработки он приближается к рабочему. Наша цель – облегчить работу будущим реставраторам». Задачу **воссоздания** ансамбля Костромского кремля в 1970 – 80-е годы решали реставраторы Костромской реставрационной мастерской: Л.С. Васильев, А.П. Чернов, А.П. Нечаев, Л.П. Матросова. Все чертежи собора – проект колокольни из архива Л. Васильева и чертежи КСНРПМ – переданы в 2015 г. московским архитекторам-реставраторам.

БОБИК СДОХ

Но вернемся в год 1976. Реставраторам еще предстояло решать свои задачи. А мы решили свою. Выход нашелся. Мы выполнили макет нового здания обкома не на холме, а поблизости, на откосе, в границах 2-го – 3-го кольца, в квартале между переулками Мельничным и Коротким и улицей Дебринской (Кооперации). Под застройку шел квартал с редко стоящими ветхими деревянными домиками. Предлагалось в ритм вертикалей набережной, восстанавливаемых и утраченных навеки, ввести новую вертикаль, прочно увязанную с ансамблем исторического центра Костромы. Новое здание обкома торжественно открывалось на Волгу, с отметки, поднятой заметно выше Нижней набережной. Представить на рассмотре-

ние первому лицу *непрошенный им вариант* Петр Петрович согласился не сразу. Мы убедили его. И рассмотрение состоялось.

В кабинете главного архитектора города Натальи Рыбниковой тесно. Впереди – Петр Щербинин и главный архитектор реставрационных мастерских, председатель костромского отделения Союза архитекторов Калерия Тороп. Она также была против застройки холма, да и многие хотели избежать этой застройки. Но положение сковывало! Многих деталей рассмотрения проекта я не помню, прошло 45 лет. Но ясно помню финал. Доклад мой Ю.Н. Баландин оборвал. Он сказал коротко и убедительно:

– На главном месте должно стоять главное здание. А что – главное? Кто – главный? И грозно спросил: «Кто – над партией? А это что? – последовал жест обращенный к макету. – Да если мы не овладеем этим холмом, народ просто в реку нас покидает!» И в звенящей тишине сквозь зубы уронив два слова: бобик сдох, – уехал.

Вскоре Постников переселен был из квартиры трехкомнатной в центре в двухкомнатную подальше. Мне же год-полтора поручалась только привязка типовых проектов. А проект 100-метровой башни на Кремлевском холме власти заказали Москве, институту ЦНИИЭП зрелищных зданий. Автором назначили архитектора-лауреата Константинова Михаила Пантелеймоновича. Встречался я с ним дважды. В первый раз когда приезжал он в Кострому и второй – на заседании Госстроя, когда рассматривался его проект и принималось решение о строительстве. Об этом памятном заседании Госстроя СССР стоит здесь рассказать.

АЛПАТОВ И ДРУГИЕ

Судьба соткана из случайностей, но у случая глубочайшие корни. Случайности неслучайны. Обстоятельства, сделавшие возможным воссоздание Воротиловской колокольни, тому пример. Это рассказ о искусствоведе Михаиле Владимировиче Алпатове. Об археологе и историке Борисе Александровиче Рыбакове. Об архитекторе и литераторе Георгии Борисовиче Борисовском и градостроителе Андрее Владимировиче Бунине, лауреате Государственной премии СССР 1976 года. И, ко-

нечно, о председателе Методсовета общества охраны памятников истории и культуры Мин. культуры СССР (ВООПИК) Князеве Константине Федоровиче, действовавшем мудро, тихо и эффективно.

Случайности сплелись необходимым и фантастическим образом. Реставратор обязан знать методы, которых придерживались мастера, строя храмы. Тайна эта связана со строительной метрологией. Она свела меня в 1968 году с академиком Борисом Рыбаковым, директором института археологии Академии наук СССР и теоретиком в этой именно области. Я имел к нему доступ. И еще. В трудный час, когда «бобик сдох», в доме отдыха архитекторов «Суханово» я встретил драгоценного человека. В ту пору здесь, в «Суханове», нередко отдыхали знаменитые в мире искусств интеллектуалы. Киноактеры, художники, искусствоведы. Бывал там даже чемпион мира по шахматам. Мне с женой в тот год места достались в малой столовой, где столики на 6 человек. С Ириной рядом усадили старушку. Супруг ее сел напротив меня. Интеллигентные хрупкие люди весьма преклонных лет. А справа от меня сел разговорчивый собеседник. На второй или третий день, заполняя заказ, я наткнулся глазами на выведенную колеблющейся рукой фамилию старичка – Алпатов. Это был всемирно известный знаток живописи, ревнитель древнерусской иконы и фрески, академик, равновеликий знатоку российской словесности академику Лихачеву. В моем представлении два эти имени были не просто символы мировой культуры, но и соединение учености, благородства и честности.

Вторгаться непрошено в жизнь человека незнакомого, знаменитого, хрупкого, лет 80, на отдыхе и оберегаемого женой, казалось мне невозможным. Но обстоятельства требовали поступка. Я понимал, что, зная о наших делах, промолчать он не сможет и добровольно вызовется помочь. На следующее утро, когда все сидели за столом, не глянув даже ни разу в сторону Алпатова, затеял я беседу с соседом справа. Ни о чем, а свел ее к рассказу, как и почему исторический центр Костромы безвозвратно и скоро погибнет. Говорил я вдохновенно. А в полдень мы с Ириной шли по освещенной солнцем, местами затененной листьями лип, аллее. Эта деталь крепко запомнилась

– я вздрогнул от неожиданности, когда плеча моего вдруг коснулась сзади чья-то рука.

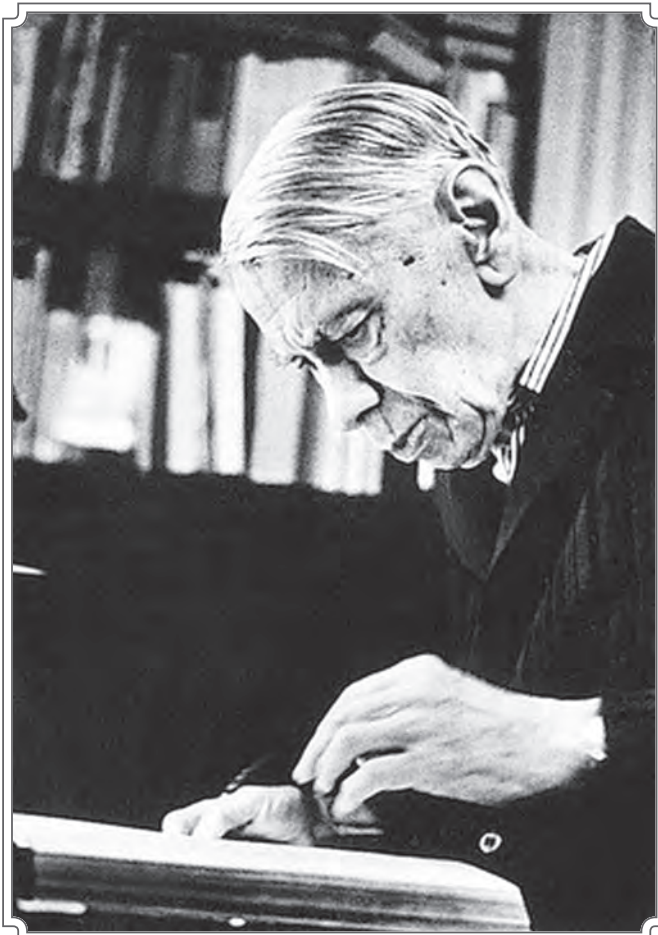
– Я слышал ваш разговор. Я хочу вам помочь. Я академик Алпатов.

Мы решили тогда обратиться в ЦК, на самый верх. Я надеялся, что кроме Алпатова письмо подпишут академики Рыбаков и Лихачев. Но Лихачев, я об этом еще не знал, недавно был избит в Ленинграде, и чтобы не тревожить его, Алпатов или Рыбаков, не помню кто, предложил Бунина.

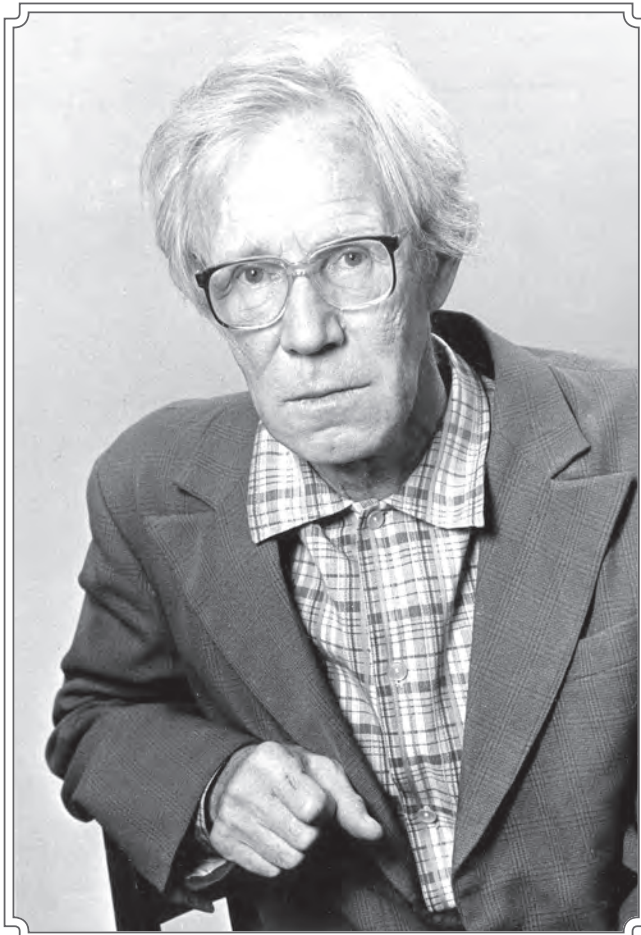
В «Суханове» в эти дни отдыхал Георгий Борисовский, теоретик архитектуры. Мы знакомы с 1972 года. Он – мой идейный противник, автор книг «Красота и стандарт», «Парфенон и конвейер». Блестящий публицист. 2 августа 72 г., в Мытищах, дома у Борисовского, мы говорили о пропорциях и тектонике Парфенона долго и горячо. Красота мысли древних, предъявленная в рукописи моей «Логика архитектурной гармонии» произвела сильное впечатление. В письме издательству, три года мариновавшему рукопись, Г.Б. назвал ее исследованием, которое «*впервые в науке о пропорциях* раскрывает *тектоническую и композиционную структуру сооружений* и также реконструирует метод мышления древних зодчих, опираясь на прямые свидетельства и археологические находки». И он добился быстрой ее публикации. Книга издана в 1972 году. Это ли не подвиг? Отказываться от собственной философии, от себя самого – в науке и искусстве не принято! В Суханове Борисовский вернулся на круги своя. И сказал мне : «Если даже вы правы, если в Парфеноне все именно так, как вы пишете – Парфенон прекрасен не благодаря этим числам, а вопреки им!» Но драться за Кремлевский холм взялся! И стойко, и умно защищал нашу позицию в Госстрое.

Вчерне «Письмо четырех» написано в Костроме. Когда я привез его Алпатову, он взял его и на чистом листе набросал письмо в ЦК на имя Суслова, на свой лад. Пока писал, усадил меня за отлично изданный на французском толстый том о картинах, иконах, фресках. Из десяти экземпляров, присланных издателем из Парижа лично автору книги, Алпатову, ему отдали один! Так действовали чиновники Союза художников СССР в то время! В моих руках был уникум. Я плохо владею французским, и потому, стараясь уловить смысл, переворачи-

Михаил Алпатов.

Леонид Васильев.

**Юрий Денисов (слева), Иосиф Шевелев (в центре), Юрий Трубинов (справа).
Ленинград. 1976 год**

вал страницы редко. Такая «вдумчивость» читателя автору понравилась. Он заметил ее и похвалил.

РЫБАКОВ

Я ждал в Костроме. Наконец, письмо подписали Алпатов, Бунин и Борисовский; оно у Рыбакова. Еду, чтобы передать его в ЦК, в дом на Старой площади. На имя Сулова. Обратный адрес: Москва, академику Алпатову. И вот я у Рыбакова. Ленинский проспект, институт археологии. Второй этаж. Широкий длинный коридор, поворот влево и дверь. Вхожу. Стол у большого окна просторной приемной пуст. Вправо – дверь в машинописное бюро. Там начальник Марина Сергеевна (вроде бы так), с ней я уже знаком; влево дверь к директору. Там иностранцы. Б.А. уходит с ними. Я долго-долго жду. Наконец-то он свободен. Я приглашен в кабинет. Он стоит у большого стола. Долго молчит. И наконец говорит: «Вы знаете, мы тут делали ремонт, все перекладывали. Письмо затерялось. Найти его не могу». Я буквально окаменел. А он спокойно ждет. Вышел я от него, закрыл дверь за собой в транс. Письма как не бывало! Но столбняки проходят. Смотрю на часы. За полдень. Вспоминаю, как Алпатов писал черновик. Соображаю.

Алпатов живет рядом с ипподромом Жолтовского, на троллейбусную остановку подальше. Я оттуда далеко-далеко, в конце Ленинского проспекта. Но вариантов нет. Мчусь к остановке. Еду. Пересаживаюсь. Еду. Пересаживаюсь. Иду. Поднимаюсь лифтом, на пятый. Открывает Алпатов. Рассказываю как есть. «Погодите», – поднимет он руку вверх, уходит и приносит пару минут спустя черновик, тот самый. И пишет заново, быстро и старательно. И вручает мне текст «письма четырех», вместе с чистым листом отличной белой бумаги, на котором, в нужном месте, стоит его подпись. «Отпечатаете у Рыбакова?» Отвечаю: «Конечно!» В просторном холле долго жду лифт, наконец вхожу... и вдруг голос Алпатова: «Стойте, стойте!» И он – в холле. И вслед – жена его сует мне в руки деньги. «Не теряйте ни минуты! Берите такси! Скорей. Торопитесь», – волнуется М.В.

К счастью, в приемной Мария Сергеевна одна; Рыбаков где-то здесь, в институте. Она меня помнит. Я отдаю ей печатать письмо, под-

готовленное Алпатовым, вместе с чистым листом, им подписанным. И тороплю: Рыбаков, мол, ждет. Выхожу в коридор рассматривать висящие в рамках фотографии крымских керамик; замер лицом к стене, опасаясь быть замеченным раньше времени. Но Рыбаков, проходя к себе, меня заметил. И не обрадовался. Ведь выпроводил он меня в полдень, а сейчас близко к шести. «Вы еще здесь?! Что Вы здесь делаете? Ведь я сказал, письмо потеряно. Найти его невозможно!» – «Письмо нашлось, – отвечаю я, – Алпатов его уже подписал, его печатает Марья Сергеевна, и я передам его Вам сейчас». Теперь окаменел он. Секунд на пять. И, ничего не сказав, ушел в кабинет. Минут через десять я был у него с письмом в руке. На этот раз он предложил мне сесть. В считанные секунды, едва бросив взгляд на письмо в ЦК КПСС, подписанное Алпатовым, он подписал его не читая! Это сказало о многом. Текст был в голове. «Потерянное» лежало, вероятно, в столе. Подписав письмо, Б.А. словно сбросил гору с плеч и заговорил со мною по-человечески. Рассказал, как трудно сохранять памятники культуры, как погублен подобным образом Кремль в Нижнем Новгороде. И сказал то, что услышал я от умных людей вскоре не раз: «Если ваш Баландин из молодых, из новых – шансов у нас почти никаких».

На следующий же день письмо подписали Борисовский и Бунин. Я отвез его на Старую площадь. Там осмотрели конверт: Сулову. Подписано «академик Алпатов», приняли. Уезжая в Кострому, я попросил Алпатова сделать так, чтобы на совещание Госстроя СССР, где будет рассматриваться проект здания обкома на Кремлевском холме, меня пригласили бы персонально – от Союза архитекторов Костромы. Я понимал, что без этого приглашения мне несдобровать. Алпатов пообещал это устроить.

РАЗВЯЗКА

Я выздоравливал от простуды дома, когда узнал, что нужно ехать в Москву. Оставалось два дня. На работе решил не показываться. Щербинин звонил мне раз шесть, утром и днем, и вечером, категорически запрещая ехать в Москву, но я стоял на своем. К телефону подходить перестал и поехал. Б. А. Рыбаков на это сборище не пошел. Он сказал: это формаль-

ность, решение уже принято. Но телеграммой свое несогласие подтвердил. Так же поступил М.В. Алпатов, подтвердив телеграммой свое неизменное осуждение. Председательствовал пред. Госстроя СССР Баранов. Выступил автор проекта. Критиковали проект Борисовский, Бунин, Тороп. Выступил от властей области зам. пред. Костромского облисполкома, не помню его фамилии. И он сказал, что проект высотного здания костромского обкома, разработанный ЦНИИЭП зрелищных зданий, был выставлен в Костроме на всеобщее обозрение и получил всенародное одобрение. Это была грубая ложь – обсуждения не было. Проект выставлялся, но только в обкоме, вход в который по пропускам, и милицейский пост! Я тотчас встал и сказал все это. Но не успел и рта закрыть, как вскричал Баранов: «Да вы кто такой? И как вы сюда попали?» И рявкнул: «Садитесь!» И я – сел, лишь сказав, что я здесь по его личному вызову.

Далее все шло как по нотам. Впрочем, выступить мне все же дали. А критика Бунина и Борисовского базировалась на том, что строить обком на кремлевском холме – идея превосходная, верная, но проект – ужасно плох, по тому-то и по тому-то. И его нужно в корне переработать. Так и постановили.

Все встали и поговорили еще с полчаса. Автор проекта Константинов уверенно заявил: мы получили Ленинскую премию за мемориал в Ульяновске (год 1971); и за проект костромского обкома получим вторую. Глава костромской делегации, зам. пред. облисполкома, торжествовал. Он многозначительно и веско сказал Баранову: «Ну, а с *этими* мы разберемся дома!». На что Баранов заметил: «Нет уж, не разбирайтесь... Люди заботятся о городе, профессионалы. Разбираться не надо». На том и разошлись.

Но закончилась дискуссия лишь за полночь, в пассажирском общем вагоне поезда Москва – Кострома. Вагон переполнен. Вижу Щербинина. Он на верхней полке, рядом с купе проводника. Мое место здесь же в проходе, внизу. Не знаю, каким это чудом П.П. не в мягком спальном вагоне. А рядом со мной, внизу, через человека сидит почему-то Игорь Дедков, прославленный на всю страну костромской литератор. Он слышит наш диалог. Щербинин

был красен, требовал чай, и чай ему принесли среди ночи. Он чай выпил и подвел всему черту. Он произнес беззлобно, но с великой досадою: «Ты – мудака! Ведь нам с Ним долгие еще годы работать!». Поступки мои казались ему идиотизмом.

Второй Ленинской премии Константинов не получил: Методический совет по охране памятников (Князев) возвращал проект на доработку, полагаю, не раз, и дело как-то заглохло. Кремлевский холм не застроили. Цепь несчастных случайностей затормозила «красное колесо» истории. Так сохранился Кремлевский холм. Строительство Богоявленского собора уже идет. Новое поколение увидит возрожденный силуэт Кремля с Воротиловской колокольней, я надеюсь, не искаженной.

Творить, знать и хранить Историю без прикрас – требование разума и души человеческой. Когда Костромская телекомпания «Русь» попросила меня, очевидца и участника тех далеких событий, дать краткое интервью, я отозвался с радостью. Вопрос мне был задан один: как удалось уберечь Кремлевский холм от застройки? Меня привезли на место строительства. И кое-что я там рассказал. А вечером 30 июня передача о реставрации соборов на Кремлевском холме состоялась. Я увидел красивый макет колокольни и узнал, что он создан усилиями московских реставраторов. Увидел вырастающий из земли остов Богоявленского собора. Но о том, как на самом деле был сохранен холм, о *многотлетнем вдохновенном и бескорыстном труде* костромичей, воссоздававших его историю и его образ, *не было сказано ни слова*. Почему ?!

Ведь завтра из участников тех событий полувековой давности в живых не останется никого. Сохранит ли история *правду* и имена героев? Безразлично ли все это потомкам? Какую *Историю* мы пишем? То, что я видел и слышал 30 июня, было смонтировано людьми, о фактах мало осведомленными. И, главное, людьми *не стремящимися знать* – лично пережить, поведать другим, сохранить навеки – *дорогую нам всем правду о рождении, гибели и воссоздании одного из шедевров «Золотого кольца» России.*

Кострома, июнь 2017 г.

